

Зелинский Фаддей Францевич

**Древне-греческая литература
эпохи независимости**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф15

Ф15 **Фаддей Францевич З.**
Древне-греческая литература эпохи независимости / Зелинский Фаддей Францевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 202 с.

ISBN 978-5-519-86029-1

ISBN 978-5-519-86029-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка—первая в серии, посвящаемой античным литературам; второй намечена „Древнегреческая литература вселенской эпохи“, третьей—„Литература римской республики“, четвертой—„Литература римской империи“. Это, однако, не все. Моя долголетняя практика, как лектора обеих античных литератур и в особенности—как экзаминатора, убедила меня в том, что давать в руки читателю один только курс, и тем более в виде „общего очерка“, без иллюстрирующих образцов—неправильный и бесплодный прием. Я решил, поэтому, приложить к каждой из выпускаемых книжек хрестоматию образцов по соответственной области в таком русском переводе, который давал бы наиболее правильное представление о подлиннике. Одновременно с последними листами этого очерка мною сдается в набор „Древнегреческая литература эпохи независимости. Образцы“—пока, правда, только первый выпуск, обнимающий образцы поэзии,

т. е. иллюстрации к первым семи главам очерка. О принципах, по которым эта хрестоматия составлена, сказано в предисловии к ней. Связь между „общим очерком“ и „образцами“ предполагается теснейшая, и хотя решено по практическим соображениям продавать их и отдельно, тем не менее я прошу читателя в его собственных интересах пользоваться обеими вместе.

В тексте настоящего „общего очерка“ звездочка * показывает, что к соответственному автору или произведению имеется иллюстрирующий отрывок в „образцах“.

Θ. Зѣминскій.

I.

Введение.

1. Истолкователю древне-греческой литературы в России не приходится в настоящее время бороться ни с равнодушием, ни с непониманием публики: имена Гомера, трагиков, Фукидида, Платона произносятся с уважением и любовью, выпускаемые их переводы при скольконибудь бережном отношении к эстетическим чувствам читателя находят себе сбыт, посвященные им публичные лекции при соблюдении того же условия усердно посещаются. Все свидетельствует о том, что и Россия, подобно прочей Европе, готова распахнуть двери своего сознания для впуска этой могучей и благотворной культурной силы.

При таком положении дел и пишущий эти строки считает возможным, воздерживаясь от апологии, ограничиться кратким приведением в систему тех качеств, которые вместе взятые составляют объективную ценность греческой литературы и ее истории и поэтому обеспечивают ей и субъективный интерес просвещенной публики.

Во-первых, греческая литература за тысячелетие с лишком своего развития от Гомера до закрытия афинского университета императором Юстинианом входит в состав истории общеевропейской литературы как ее долгое и богатое начало. Именно начало: мнение о влиянии туманно представляемого Востока на Грецию в этой области менее обосновано, чем где

либо. Оно и понятно: изобразительные мотивы, песенные напевы еще могут при своей удобопонятности переноситься с места на место и вызывать подражание; но для литературных памятников при разнородности языков и отсутствии переводов это немислимо. Конечно, не исключена возможность случайного перелета какого нибудь сказочного или новеллистического мотива с Востока в Грецию, но ведь не в этом суть; главное то, что ни один литературный тип не был Грецией заимствован с Востока—и наоборот, нет у нас ни одного литературного типа, которого бы мы, прямо или косвенно, не заимствовали из Греции.

Итак, греческая литература—начало общеевропейской, как и греческая история через римскую империю продолжается в истории новой Европы. Но роль греческой литературы, достаточно выдвинутая этой аналогией, еще много значительнее: она не только была плоскостью отправления для новоевропейской—она в ряде дальнейших эпох была ее вдохновительницей, вливая—прямо или косвенно—в нее свои силы и побуждая ее этим ко все пышнейшему и пышнейшему расцвету. Эти эпохи мы называем Возрождениями; действительно, этот термин применяется далеко не исключительно к т. наз. итальянскому, великому Возрождению XIV—XVI вв. Говорят о „каролингском“, „оттоновском“ Возрождении в средние века, расцвет арабской культуры был в сущности тем же Возрождением, и им же была и та эпоха под’ема германского духа в 1780—1830 гг., которой историки культуры присвоили имя неогуманизма—германским Возрождением в противовес тому первому великому романскому. Славянский мир в обоих участвовал лишь косвенно, освещаемый отраженным или преломленным светом; его будущая культурная самобытность требует, чтобы и он имел свое—числом третье—великое с л а в я н с к о е Возрождение. А для достижения одинаковых целей и средства должны быть одинаковы: подобно своим старшим братьям, и славяне должны впитать в себя античность, оплодотворить

§ 1. ИНТЕРЕС ПРЕДМЕТА.

свой дух ее семенем ради производства новых, еще невиданных, культурных ценностей. Эта потребность уже пробудилась в русском обществе; надо только не дать ей снова заглухнуть вследствие либо недостаточного, либо недоброкачественного питания.

В третьих, даже взятая сама в себе вне связи с литературой нового мира, история греческой литературы именно как история представляет собой совершенно своеобразный интерес по следующей причине. Выше было сказано, что греческая литература при своем зарождении не испытала влияния чужеземных литератур, что она была поэтому началом, а не продолжением; ныне следует прибавить, что она не испытала такового и в дальнейшем своем развитии. Значение этого факта особенно ярко освещается сравнением с историей русской литературы, последовательно испытывшей влияние византийской, польской, французской, немецкой, английской литератур. А этим сказано, что греческая литература развивалась вполне органически—настаиваю на этом слове, в виду некоторых неосновательных протестов последнего времени—в силу житнетворных начал, в ней самой заключенных; среди богатых литератур она—единственная, про которую это можно сказать. Вот почему Ипп. Тэн в предисловии своей истории английской литературы, которую он написал для иллюстрации своей теории литературных явлений, заявляет, что он без колебаний отдал бы предпочтение древнегреческой литературе, если бы она могла предоставить в его распоряжение достаточно длинный ряд однородных памятников в их последовательном развитии.

И, наконец, в четвертых,—то, с чего мы начали, чем будем продолжать и чем кончим, выдающееся достоинство, не только эстетическое, но и общекультурное корифеев древнегреческой литературы. При оценке этого достоинства следует, однако, остерегаться одной и л л ю з и и... точнее, не одной, а целых двух.

Первая заключается в следующем. Восприимчивый читатель знакомится с древнегреческим поэтом, скажем, с Софоклом; он производит на него известное впечатление, но все же не такое сильное, как какой-нибудь драматург современности или недавнего прошлого. И вот готов приговор: этот драматург „выше“ или „лучше“ Софокла. Эта иллюзия очень естественна: ведь современность уже тем, что она современна, способна затронуть гораздо более струн в нашем сознании, и в этом отношении даже самый посредственный беллетрист наших дней пользуется большим преимуществом перед самым гениальным писателем древности. Отрезвляющим средством может служить воспоминание о тех, которые в более ранние времена стали жертвами такой же иллюзии—выдающихся людях, суждения которых, однако, ныне способны вызвать лишь улыбку с нашей стороны. В конце XVII в. III. Перро, автор знаменитых сказок, в том своем памфлете, с которого начинается „спор древних и новых“, ставит не только Паскаля выше Платона, но и роман о Кире (Cyrus) г-жи де-Скюдери „в десять раз“ выше Илиады; почти в то же время великий Лейбниц приказывает греческим поэтам спрятаться в подполье перед немецкой лирой, перед Флемингами и Опидами. Кто ныне знает Скюдери и Флемингов—и кто не знает Гомера и Софокла? Так новичку альпинисту, спускающемуся по долине Шамони, возвышающиеся над ним второстепенные горы кажутся много выше, чем замыкающая перспективу снеговая пирамида Монблана; но стоит ему пройти два-три километра—второстепенные горы опускаются низко-низко, а Монблан остается Монбланом.

Ныне, конечно, только очень наивные люди способны отдаться этой иллюзии; опаснее другая. Знакомясь с греческими писателями, современный человек бывает склонным ценить непосредственно—пусть даже очень высоко—то, что ему непосредственно и сразу понятно, остальное же либо оставлять без внимания, либо даже осуждать. Между тем именно среди

§ 1. иллюзии.

этого последнего материала часто заключается наиболее ценное и оригинальное, то, чем греческая литература способна более всего оплодотворить современное сознание. Неполное представление получит от греческих писателей тот, кто их читает быстро, точно писателей современных; их рекомендуется читать медленно и повторно, лучше всего—с комментарием, составленным человеком, отдающим себе отчет в разнице между психикой античной и современной души. Тогда нередко камень, отброшенный по первому и беглому впечатлению, будет бережно поднят и станет краеугольным при выработке мировоззрения.

2. Преимущество греческой литературы перед всеми другими заключается в том, что она с первых же шагов вводит изучающего в величавый храм гомеровского эпоса, свой первый по времени и непревзойденный никакими позднейшими достижениями памятник. И с т о р и к у литературы, однако, естественно поставить вопрос о предшествующих этому совершенству ступенях, о постепенном развитии художественного слова от его первичных ячеек до обилия гомеровской эпопеи. Прямого ответа на этот вопрос античная традиция нам не дает; то, что греки—уже начиная с V в. до Р. Хр., если не раньше—принимали за догомеровскую поэзию, было изобличено исторической критикой либо как домыслы фантазии, либо как произведения более поздних времен, запечатленные религией Аполлона.

Тот начальный период, о котором речь идет здесь, мы можем не исторически восстановить, а лишь теоретически конструировать, руководствуясь с одной стороны этимологическими и психологическими данными, а с другой и т. наз. „пережитками“ этого начального периода как у самого Гомера, так и в позднейшей литературе, и полагая, что та замечательная последовательность развития, о которой речь была выше, сопровождала греческую литературу с самого ее зарождения. Предлагая здесь читателю свою конструкцию, я с первых же

слов, поэтому, оговариваю ее неизбежную гадательность; некоторым залогом ее если не достоверности, то сравнительного правдоподобия является то обстоятельство, что я давно с нею ношусь, часто и долго ее проверял и использовал для нее, кажется, все материалы, которые давали в мое распоряжение как исторический, так и сравнительный методы.

В основу этой конструкции должно лечь мнение, противоположное тому, которое со времен Гердера царствует и в теории, и в истории литературы—а именно мнению о предполагаемом временном первенстве поэзии перед прозой. Это ошибочное мнение легко могло возникнуть под влиянием недостаточных наблюдений путешественников и миссионеров; вполне естественно, что песня, сопровождаемая музыкой и часто пляской, скорее привлекала внимание европейца, чем прозаическая сокровищница, передаваемая в тишине и нередко под покровом тайны учителем ученику. Все же более длительные и усердные наблюдения вскрыли и ее, и этнологические журналы последних десятилетий в достаточном обилии приносят нам наряду с поэтическим и прозаический фольклор первобытных народов.

Эти данные этнологического опыта вполне подтверждаются и объясняются результатами психологического анализа. Из трех категорий, на которые распадаются явления нашего сознания—чувствований, представлений и волевых актов—непосредственно творческими в области литературы, как и искусства вообще, являются первые два; и хотя внутренний опыт не дает нам ни такого представления, которое не сопровождалось бы каким нибудь чувствованием, ни такого чувствования, которое не вызывалось бы каким нибудь представлением или не вело бы к нему, все же мы, считаясь с преобладанием того или другого элемента, можем установить эти две категории так же как практические источники художественного слова. Теперь нетрудно понять, что то взволнованное состояние души, которое вызывается наличностью сильного чувствования, как

§ 2. поэзия и проза.

и всякое волнение, естественно ищет себе выражения в ритме и связанном ритмом слове; и наоборот, та душевная гладь, в которой бесстрастно отражаются явления и внешнего и внутреннего мира, населяя ее представлениями, столь же естественно запечатлевается в неритмической речи, т. е. в прозе.

Итак, поэзия и проза—не только две родные сестры, но и две сестры - ровесницы, хотя и призванные к жизни двумя различными функциями нашей души, чувствительной и представительной. И, стараясь проследить постепенное развитие греческого художественного слова от его начала до его расцвета в гомеровской эпопее, мы должны исходить не от одной, а от двух первичных ячеек—поэтической и прозаической. Начнем с первой.

3. Чувствование рождает ритм, как естественное выражение тех волн наших кровяных сосудов, о которых свидетельствует биение нашего сердца и пульса; ритм в свою очередь стремится облечься в ощутительную для зрения и слуха форму либо размеренного жеста, либо модулированного звука, либо артикулированного слова. Соединение этих трех элементов создает первичную ячейку и греческой, и всякой иной поэзии—триединую хорею, состоящую из пляски, музыки и словесной песни, или поэзии в тесном смысле.

Эту триединую хорею мы можем проследить в двух первичных видах.

Первый вид—это хорея обрядовая, освящающая поэзию, музыку и пляску службой божеству. Для греческой древности, хотя бы и самой глубокой, эта религиозная хорея может быть установлена только в смысле молитвы; заклинание, пытающееся подчинить божество человеческой воле связующей силой ритма, так же чуждо греческому сознанию, как и то низменное представление о богах, о котором оно свидетельствует.

Второй вид—это хорея рабочая, в которой, однако, ритмическая пляска заменена ритмическими движениями самой

работы. Характер сопровождающих работу слов может быть также религиозным, так как естественно было поручать милости богов производимую работу, но чаще он, как доказывают многочисленные пережитки и аналогии, бывает светским.

Установлением первичного характера триединой хорей устраняется и прежнее мнение о старшинстве эпической поэзии в сравнении с другими—мнение, не соответствующее также и психологическому пониманию поэзии как естественной выразительницы чувства: в своем словесном составе, сопровождаемая музыкой и пляской, песня может быть отнесена только к поэзии лирической. Прославление могущества чествуемого бога, хвалебное упоминание мест его культа, выражение нужд просителя—а в рабочей песне вся вереница нежных и злобных, радостных и подавленных, серьезных и насмешливых настроений, которые, освобожденные ритмом автоматической работы, находили себе воплощение в словах поющего—все это сообщает той и другой хорее несомненно лирический характер *. Но эта лирика содержала в себе зародыши также и других поэтических видов. Естественно было, чествуя бога, рассказать о какомнибудь его деянии, свидетельствующем об его могуществе или о явленной им человеку помощи; столь же естественно было и для поющего работника вспомнить о какомнибудь важном или интересном для него событии; а этим в хорей вносился и эпический элемент. С другой стороны, чередование запевалы с хором, или же отдельных голосов, поющих между собою, могло придать хорее также и драматический характер. Но это были лишь зародыши будущего развития.

4. В противоположность к возбужденной хорее древнейшая прозаическая сокровищница греческого народа спокойно и бесстрастно принимала в себя и передавала потомству то постоянно накапливаемое предание верований и установлений, которое составляло мудрость, если не всего народа, то его лучшей части, его вождей и советников.